

Мастерство перевода. Сборник статей

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 81
ББК 81
М32

М32 Мастерство перевода. Сборник статей / – М.: Книга по Требованию, 2017. – 510 с.

ISBN 978-5-458-62278-3

О. Кундзич. Перевод и литературный язык (перевод Вл. Россельса). В. Станевич. Некоторые вопросы перевода прозы. Е. Эткинд. Перевод и сопоставительная стилистика. М. Лорие. О редактуре художественного перевода. И. Кашкин. Текущие дела. С. Маркиш. Несколько заметок о переводах с древних языков. Аг. Гатов. Художественный образ и воплощение его в переводе (некоторые соображения к изданию русского перевода Лу Синя). П. Топер. Возрожденная поэзия. Вл. Россельс. За эти годы (обзор). С. Маршак. Искусство поэтического портрета. Н. Заболоцкий. Заметки переводчика. В. Левик. О точности и верности. Л. Озеров. Второе рождение. Л. Гинзбург. Вначале было слово. А. Арго. Факты и выводы. О. Холмская. Пушкин и переводческие дискуссии пушкинской поры. Н. Соколов. В. Я. Брюсов как переводчик (из писем поэта). М. Лозинский. Валерий Брюсов и его перевод «Давида Сасукского». Е. Эткинд. Архив переводчика. А. Курелла. Теория и практика перевода (перевод М. Танер, под ред. М. Лорие). П. Антокольский — М. Влчек. Переписка по вопросам перевода. И. Черняк. Журнал «Вавилон». П. Антокольский. Эдмон Кари. Перевод в современном мире. Иван Кашкин и Теодор Савори. Искусство перевода. Библиография. Советский Союз (сост. Э. Хайтина и Б. Хавес). Зарубежные страны (сост. Б. Хавес).

ISBN 978-5-458-62278-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2017

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2017

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Развитие переводческого искусства немыслимо без взаимного обмена опытом и его обобщения, без внимательного разбора появляющихся новых переводов, без изучения всего достигнутого мастерами художественного перевода в прошлом. Всесторонняя разработка теории художественного перевода — одна из насущных задач нашего литературоведения и критики.

Настоящий сборник статей по вопросам перевода (предыдущий сборник выпущен в 1955 году) подготовлен редакционной коллегией, созданной секцией художественного перевода Московского отделения Союза писателей СССР. В сборнике предоставлена трибуна для свободной творческой дискуссии по всем вопросам теории и практики художественного перевода, для обмена опытом и информацией. Отрадно отметить, что авторы статей, стоя на позициях социалистического реализма, придерживаются сходных взглядов на проблематику художественного перевода. Их единомыслие основано на убеждении в том, что теория художественного перевода должна быть построена прежде всего как теория данной отрасли литературного творчества, равноправной среди других отраслей и жанров советской художественной литературы.

В сборнике четыре раздела. Первые два содержат статьи по общим вопросам теории перевода, разборы некоторых переводных работ, вышедших за последнее время, выступления отдельных переводчиков в порядке обмена творческим опытом. Другие разделы посвящены изучению литературного наследия (материалы и документы по истории искусства перевода и т. д.) и переводческим связям советской и зарубежных литератур. Помещенная в конце сборника «Библиография» представляет первую попытку систематизировать имеющуюся литературу по вопросам художественного перевода. «Библиография» включает перечень книг, журнальных и газетных статей, опубликованных в СССР за последние шесть лет (1953—1958), а также сведения о книгах и статьях, напечатанных за рубежом в 1953—1958 годах. В последней есть неизбежные пробелы — в частности, ввиду технических трудностей не представлена библиография по ряду стран.

Олексий Кундзич

ПЕРЕВОД И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК

У каждого народа свои особые отношения с человечеством, с культурами прошлого, с соседями. У каждого народа и своя история переводческого дела. Но роль перевода в развитии национальной культуры, его взаимосвязь с оригинальным творчеством, с литературным языком народа подчинены определенным закономерностям. Некоторые из этих закономерностей отметим сразу, чтобы в дальнейшем исходить из них, как из постулатов.

1. И. Франко говорит, что «хорошие переводы важных и значительных произведений чужих литератур у каждого культурного народа, начиная с древних римлян, составляли принадлежность основ собственной литературы». Это действительно одна из исторических закономерностей.

2. Неопровержимо, что творческий перевод обогащает оригинальную культуру. Творческий перевод средствами своего языка — это *освоение*; освоенное становится *своим*, равным оригинальному. Когда мы в школе учили:

Під ним блакить ясніша неба,
Над ним проміння золотом б'є;
Йому ж, свавольцю, бурі треба,—
Неначе в бурі спокійє!—

то для нас это были просто украинские стихи, а что принадлежат они Лермонтову и что перевел их Старицкий,

то есть вопрос, так сказать, паспортизации произведения, был для нас вопросом второстепенным. Вообще литературное произведение как идейно-художественный фактор, участвующий в формировании настроений, мировоззрения, языка, живет в обществе независимо от того, кто его создал и каким способом — отображая действительность непосредственно с натуры или по произведению другого языка. Качества произведения как такового обуславливают его влияние на читателя.

3. Художественный перевод развивается в одном русле с оригинальным творчеством, он развивает язык, расширяет круг понятий, обогащает культуру народа. Переводя, писатель изыскивает выразительные средства, до тех пор скрытые в его языке. Видя перед собою образ, он на базе своих слов вводит в употребление новые переносные значения, неологизмы, крылатые слова, обозначает с помощью своей лексики новые понятия, перенимает средства — не лексику и не грамматический строй, а средства лаконизма, инструментовки, типизации образов, эмоционального напряжения — и вообще осваивает для своего народа *средствами своего языка* культуру другого народа, следовательно и культуру его языка. Чтобы перевести без малого семь тысяч строк написанной в строгой форме гениальной поэмы Руставели, чтобы обеспечить каждую из строф этой поэмы рифмой, Миколу Бажану пришлось мобилизовать все сокровища украинского языка, раскрывая и его потенциальные возможности. И в самом деле — вчитайтесь в украинского «Витязя в тигровой шкуре», как глубоко поднята вся почва родного языка, как органично произрастают на ней фразеологические и лексические новации, стимулированные цветистой поэзией древнего Кавказа. Словарь таких переводов, составленный с художественным чутьем, узаконил бы достижения наших переводчиков в современном литературном языке и тем поднял бы его на высшую ступень.

4. Возможность освоения духовных сокровищ другого народа, как и возможность создания оригинальных художественных ценностей, не ограничивается наличными языковыми ресурсами, — иначе язык не развивался бы, а молодые культуры не могли бы воспринимать художественные богатства других народов, — каждый язык несет в себе, кроме наличных ресурсов, потенциальные воз-

возможности, которые последовательно раскрываются творческими усилиями писателей оригинальных и переводных жанров. Итак, только творчество развивает литературный язык.

5. Неопровержимо также и то, что рабское копирование не проходит даром для оригинальной культуры, особенно для литературного языка, оно непременно портит его, засоряет неточными и бессмысленными словами, гибридными формами, придает ему вид жаргона. Вы решили употребить слово *баз*, не думая вводить его в украинский язык, но ваш коллега тоже перенес это слово в украинский текст, и вот вы уже слышите его в театре из уст украинского артиста, а раскрыв новый словарь, видите, что *баз* — уже украинское слово, хотя украинские пастухи и их дети не знают его значения, они не перестали называть загон *оборою*, *загородою*, *стійлом*. Так вы ввели в украинский язык немое, незнакомое населению, ни с каким украинским корнем не связанное, безначное слово. И не случайно ввели, а по убеждению, и не один этот *баз*, а и еще несколько гибридов типа *закатити*, *розтрінати*. А ваш коллега трудится в том же направлении. А коллег-то у вас много. Так вы соединенными усилиями «переводя», то есть сводя на нет художественные ценности братских народов, разрушаете украинский язык.

Вы думаете, переводя книгу, что язык ее будет языком только этой книги, но мы перевели тысячу книг — и язык наших переводов стал в значительной мере украинским литературным языком, ибо не может тысяча книг не отразиться на литературном языке. А наш литературный язык — орудие народа в его борьбе за коммунизм.

В литературном языке всегда идет борьба между живым и мертвым. Формализм в переводе — явление косное, канцелярщине присуща тенденция узаконить себя в практике, ибо копирование всегда легче творчества. Можно считать объективным законом, что чем больше в литературе удельный вес переводческих копий, тем более мертвым, далеким от народной основы становится литературный язык. И, наоборот, чем богаче литература народа, тем точнее и красочнее его литературный язык. На весах этого соотношения мастерские переводы, то есть такие, в которых реалистично отражена художественная правда оригинала, став художественными про-

изведениями на данном языке, являются вкладом в оригинальную литературу. Но огромный поток переводной литературы трудно охватить силами литераторов. Тогда на сцену выходят люди случайные. Вот почему *практически*, в условиях *плохо* поставленного переводческого дела, рост потока переводов ведет к росту канцелярщины в литературе и угрожает литературному языку.

Зависимость литературного языка от соотношения художественного и нехудожественного в литературе является объективным законом.

Дальше мы остановимся на том, как на нашем литературном языке отражается язык переводов, и увидим, что канцелярщина неминуемо узаконяется в языке — как стихийно, так и благодаря стараниям некоторой части работников культуры. Это подтверждает история перевода, это происходит и у нас на глазах.

В свете этого закона состояние нашего литературного языка вызывает тревогу. Мы часто переводим небрежно. И переводим не только мы, писатели, переводит целая армия людей, не имеющих никакого отношения к художественному переводу, — переводят в центральных издательствах и в областных, в редакциях всех газет, до районной включительно, в театрах столичных и на местах, на киностудиях и во всей сети радиовещания, переводят в научных учреждениях, кто хочет и где хочет. Встает вопрос: какова мера литературного и писарского в этом потоке? Что, если это просто огромный автомат, перемалывающий богатства украинского языка?

С тех пор как существует переводная литература, еще с того времени, когда переводили с древнееврейского на арамейский и с арамейского на греческий, и до наших дней практически существовали только два способа перевода: реалистический, творческий, в результате которого правдиво передавался оригинал, то есть *собственно перевод*, и другой способ — последовательное копирование слов, в результате которого появлялся текст, не соответствующий оригиналу, то есть *собственно не перевод*.

Таким образом, буквализм просто выпадает из художественной сферы, это, говоря не метафорично, без преувеличения, — канцелярская сфера.

Реализм в переводе — это правдивая передача реаль-

ной действительности, отображенной в оригинале. Реалистично перевести — означает передать средствами своего языка все почувствованное и осознанное автором оригинала. То есть переводчик-художник пишет тоже реальную действительность, воспринятую и осмысленную через оригинал, как бы с чужих слов. Вот почему перевод является художественным творчеством.

В сфере творческого перевода мы встречаемся с различной мерой отсебятины, с попытками расшифровать образ упрощенно, публицистическим языком, — все это грехи, с которыми надо бороться. Но на Украине до сих пор актуальнейший вопрос — буквализм. Для того чтобы показать это конкретно, приведу лишь один пример. Весною 1955 года вышло в украинском издании одно из замечательнейших произведений советской эпохи — «Тихий Дон» М. Шолохова. Привожу первую фразу перевода: «Мелеховський баз — аж край хутора». К «базу» дается сноска: «баз — двір». Достаточно сказать, что, в сущности, это и не *мелеховський* (по-украински — свойственный Мелеховым), и не *баз*, и не *двір*, и не *аж край хутора*. Надо было: «Садиба Мелехових — з самого краю седа». Можно добавить к этому, что реальная действительность в буквалистическом переводе с первых страниц рисуется так: на *відшибі...* — *баз* (слов таких в украинском языке нет), на базу *курінь* (по-украински слово, означающее вовсе не хату, а шалаш), а возле куреня *нелюдим* (не существующее в языке слово) Проккоп и его *баба* (по-украински только бабка, старуха). Как видим, буквализм не только калечение слова, уродование фразы, разрушение языка, это вместе с тем и разрушение художественных образов, картин, искажение изображенной в произведении реальной действительности. Согласно украинскому тексту Мелеховы живут не в селе, не в станице — они хуторяне и обитают на каких-то базах, в шалашах, очевидно сплетенных из веток... Таковы разрушения, сделанные буквализмом только на первой странице шолоховской эпопеи.

Но сегодня нас интересует не сама суть буквализма — этот вопрос уже ясен, — а влияние буквалистической продукции на литературный язык, и с этой точки зрения я позволю себе обратиться к истории.

Уже в известных словах Цицерона, что читатель требует от него точности не по счету, а по весу — и в лако-

ничной формуле переводчика библии на латинский язык Иеронима: «Не от слова к слову, а от смысла к смыслу» — чувствуется полемическая аргументация творческого метода против буквализма. Буквализм доминировал в переводах так называемого священного писания на языки западноевропейских народов и порой осуществлялся даже внешне канцелярскими способами, при административном участии разных правителей церкви и князей-феодалов. Нечто похожее было и в работе переводчиков сборников античной словесности, библии и евангелий с греческого на славянский язык.

Нет сомнения в том, что Кирилл и Мефодий владели всеми ресурсами языка тогдашнего славянства, возможно даже — с диалектами: эти высокообразованные придворные византийские мужи, знатоки античных языков и вообще античной культуры, в Моравии жили долгое время, если не родились там, сталкивались и с приднепровскими славянами; их миссионерство воплощало экспансию Византии на славянские земли, начавшуюся задолго до них.

Перевод так называемого священного писания был только частью широко поставленного государственного дела введения греко-христианской церкви и выполнялся срочно. Сперва переводились лишь необходимые для церковной службы выборки, а затем и все тексты. По древнему свидетельству, Мефодий посадил из своих учеников двух попов, «скорписцев зело», и перевел с греческого на славянский все книги полностью за семь месяцев, начав в марте и закончив 26 октября. Как видим, переводить срочно, используя свой домашний аппарат, — довольно давняя традиция.

Было ли в распоряжении славян IX столетия достаточное количество понятий и соответственных языковых ресурсов для того, чтобы воспринять богатства греческой словесности?

Несомненно, что представление о славянской культуре того времени как о совершенной *tabula rasa* — представление упрощенное и безосновательное. Есть множество доказательств того, что задолго до Кирилла и Мефодия у славян была своя система знаков, и не только знаков рунического письма, но и своего алфавита. Что же касается глаголицы, то мнение отдельных ученых, будто ее изобрел Кирилл или его ученик Кли-

мент, безусловно опровергается общностью букв глаголицы со знаками древнейших южнорусских надписей на камнях, в керченских катакомбах и т. п. Кроме того, спеша с переводом гигантского материала, выполняемым по требованию двух правителей — императора и князя, изобрести сложную, беспрецедентную по конфигурации и совершенно необычную для византийцев азбуку — это означало бы поставить себе и своим скорописцам такое препятствие в работе, которое могло бы оказаться непреодолимым.

В свете новых исследований древнерусской письменности вполне достоверной выглядит древняя запись так называемой паннонской легенды, повествующей, что Кирилл задолго до своей поездки в Моравию, в бытность в Хазарском царстве, сталкивался со славянами и «обрът же тоу іевваггел[іе] і [пс]алтырь росьскы письмены писано». Следовательно, была своя письменность, существовали литературные факты. Был канун века Бояна, перед которым склонит свою гениальную голову автор «Слова о полку Игореве», и в песнях гудошников славянских уже создавалась его, Боянова, традиция. Живой славянский язык был единым языком великого народа, уже несколько столетий общавшегося с Византией, Римом и германским севером (сами переводчики были гражданами и славянского и византийского мира), и этот язык в его наличных и потенциальных возможностях обладал всеми данными, чтобы освоить сборники античной словесности и сделать их живым поэтическим достоянием славян, заложив тем самым прочную языковую базу для развития оригинальной славянской литературы. Однако таких переводов не было сделано. В Моравскую библию перекочевало множество греческих лексических элементов и грамматических форм, а кое-где, транзитом через переводы еще с древнееврейского на арамейский и далее на греческий, остались и древнееврейские слова. Переводчики с их аппаратом «зело скорописцев» «не могли, — как говорит М. Ломоносов, — миновать и довольно остеречься, чтобы не принять в перевод свойств греческих, славенскому языку странных», и потому «многие места оных переводов недовольно вразумительны».

Кроме того, вместо славянских слов вписывались латинские и немецкие, ибо они, как думает славист Ягич,

стали привычными для духовенства из христианского учения, пришедшего с Запада.

«...Авторы или переводчики наших духовных книг,— писал Н. М. Карамзин,— образовали язык их совершенно по Греческому, наставили везде *предлогов*, растянули, соединили многие слова, и ссю *химическою операциею* (курсив автора.— О. К.) изменили первобытную чистоту древнего славянского. Слово о полку Игореве, драгоценный остаток его, доказывает, что он (славянский язык.— О. К.) был весьма отличен от языка наших церковных книг».

Так тысячу лет назад был создан особый славянско-переводческий язык, который стал называться, в отличие от живого языка народа, церковнославянским. Этот язык в науке так и назывался «языком перевода христианских богослужебных книг».

Церковнославянский суконый язык перевода, которому славяне еще не могли противопоставить свое фиксированное творчество, стал нормой: на нем пишутся официальные послания, жития и летописи. Сам Нестор, говорит Н. М. Карамзин, следовал стилю Моравской библии. То есть переводческий язык стал официальным литературным языком, который до известной степени изолировал от народа молодую культуру и тем обескровил ее. Понадобились столетия, чтобы творчество славянских гениев, идя от живых народных источников и приобретая все больший удельный вес, нейтрализовало полумертвую церковнославянщину.

Анализ основ художественного перевода, теоретических утверждений, как они отразились в украинской классической литературе, приводит к бесспорному выводу, что перевод на Украине всегда принадлежал к сфере искусства, как правило, шел в общем русле развития реалистической литературы, был составной частью ее и осуществлялся ее художественными силами. Писатель брался за перевод из идейно-творческой солидарности с автором, из художнического стремления воссоздать любимое или дать своей литературе ценное, прекрасное, обогатить ее, трудился, как над собственным произведением, и обогащал литературу. Гоголевские «Вечорниці на хуторі під Диканькою» в переводе Леси Украинки